

«Кинешма в смутное время и геройский подвиг её 26 мая 1609 года»

*Да ведают потомки православных
Землиродной минувшую судьбу.*

А. Пушкин

*Как было то У нас на Святой Руси,
Было время военное, времячко мятежное;
Заполонила-то нас погана Литва,
Погана Литва, проклята польска сторона.
Народная песня о смутном времени*

*Не посрамим земли Русской!
Умрем за дом Пресвятой Богородицы!*

I

Обширно и славно отечество наше. Полна история его дивными подвигами наших предков, создавших его неуывдаемую славу и могущество. Но только:

*«Претерпев судеб удары,
Окрепла Русь!»*

За время более тысячелетнего существования своего она немало перенесла разного рода бедствий, великих испытаний и глубоких потрясений. И, думается, что самым бедственным временем нашей родины следует считать «смутное время», по справедливости прозванное самим народом «злым лихолетьем».

Триста лет тому назад пресекался род царей из рода Рюрика, первого нашего князя. После кратковременного и беспокойного царствования Бориса Годунова престол благочестивых великих князей и царей Московских занял самозванец Лжедмитрий I, выдвинутый и поддерживаемый внешними врагами нашей родины и веры православной поляками-католиками. В 1606 году он был свергнут с престола и насильственно погиб. Московскими людьми был выдвинут и посажен на престол царства Русского боярин и князь Василий Иванович Шуйский. Но вскоре же объявился новый самозванец, и вокруг него собрались приверженцы Лжедмитрия I. В Москве царствовал В.И. Шуйский, а недалеко от нее, в селе Тушине, об-

разовался пышный двор «Тушинского вора и царика». От того и другого рассылались по городам грамоты, призывавшие на верность одни царю Василию, а другие — Дмитрию-Самозванцу.

Наступило не только междуцарствие, но даже двоецарствие, особенно гибельное для родины. Северные провинции и понизовые земли тяготели к законному царю Московскому Василию Ивановичу Шуйскому, а южные — казачество в соединении с поляками стояли на стороне Тушинского вора. Отряды поляков и изменников стали опустошать города и селения земли Русской, приводя их на верность Лжедмитрию. И очень многие города в это время общей смуты большею частью добровольно, без бою сдались ляхам. Так приверженцами Тушинского вора были подчинены ему Суздаль, Владимир, Углич, Кострома, Галич, Вологда...

Обыкновенно являлась толпа изменников и ляхов, восклицая: «Да здравствует Дмитрий!» и жители отвечали таким же восклицанием, встречая их как друзей и братьев.

«Бедствовало царство, обман и ересь господствовали». (Патр. Иов).

«Добросовестные безмолвствовали в горести, видя силу на стороне разврата и легкомыслия». (Карамзин).

II

И вот в это время почти повсеместного малодушия и слабости, наша Кинешма, незначительная по своему государственному положению и немногочисленная по своему населению, одна из первых проявила удивительный дух мужества и твердости, показала непреклонную преданность и любовь к родине, вере православной, и героически запечатлела это кровью доблестных граждан своих и поселян. Она не покорила ни «Тушинскому царю», ни ляхам и изменникам родины.

Кинешемцы давно уже напряженно следили за совершающимися событиями. Они были верны законному царю Василию Ивановичу Шуйскому. Лучшие воины из граждан кинешемских и поселян находились в его войске в Москве. Шуйский для кинешемцев был свой князь, хорошо известный им. Один из славных предков его, пользовавшийся заслуженной славой от народа русского, Иван Петрович Шуйский, был владетельным князем Кинешмы, которую он получил от Иоанна IV Грозного за доблестную защиту г. Пскова от Стефана Батория. Известно, что по проискам Годунова, этот князь в 1687 году был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь и там, в темнице, удушен.

Несчастный конец И.П. Шуйского еще более расположил сердца

кинешемцев к роду Шуйских. Кинешемцы успели уже проявить свою преданность царю Василию со своим славным воеводой Федором Бабарыкиным. Этот воевода кинешемский Федор Бабарыкин со «своими товарищи» 11 февраля 1609 года в селе Данилове около Суздаля разбил суздальского воеводу Плещеева, приверженца Лжедмитрия II.

Суздаль в это время находился во власти тушинцев и был главной квартирой польского военачальника пана Лисовского. Пан Лисовский был польский беглец, в своем отечестве за какое-то преступление был осужден на казнь. Это был искусный воин: «Смелостью и мужеством, — говорит Карамзин, — он был витязь, ремеслом — грабитель». Он в соединении с русскими изменниками грабил и занимал Владимирский край и исполнял поручения Лжедмитрия II и Сапеги, который держал осаду над Троицко-Сергиевым монастырем, служившим, как известно, соединительным звеном северных провинций с Москвой.

30 декабря Лисовский овладел Костромою, в январе 1609 года занял Галич и, возвратившись снова в Кострому, поставил здесь воеводою Ивана Наумова, которого вскоре сменил Никита Вельяминов.

Но в это время костромичи, сторонники Тушинского вора, стали терпеть утеснения от собравшихся в Костроме ополчений. Так из Галича шло ополчение под предводительством Давида Жеребцова. Вельяминов, теснимый наседавшими на него ополчениями, вынужден был запереться в Ипатьевском монастыре и просил у Сапеги помощи.

На помощь Вельяминову и на выручку его из осады Сапега 23 мая 1609 года отправил Лисовского. Но Лисовский, отправившись на выручку своих в Кострому, не доходя до нее, свернул на Кинешму. Надо думать, что побуждением к этому у Лисовского было то, чтобы отомстить кинешемскому воеводе Федору Бабарыкину, который, как мы видели, 11 февраля в селе Данилове под Суздалем разбил их приверженца, суздальского воеводу Плещеева. Кроме того, Лисовский через осведомленных людей узнал, что в Кинешме на подмогу Костроме под предводительством кинешемского воеводы Федора Бабарыкина составляется ополчение (Протоир. П. Островский). Лисовский решил разбить это ополчение прежде, чем оно успеет отправиться к Костроме, и таким образом обеспечить себя с тыла.

III

Кинешемцы узнали о приближающемся враге. Появление Лисовского близ Кинешмы для граждан было неожиданно. Но настроение было у

всех бодрое; никто не думал о добровольной сдаче посада и города врагам и изменникам отечества. Решено было защищать город и даже заградить неприятелю путь к нему.

Кинешемское ополчение окончательно еще не было составлено и не приготовлено к походу на подмогу Костроме. Надо думать, что ополчение должно было выступить после праздника Вознесения Господня, который ополченцы, очевидно, намеревались пробыть со своими семьями. Но 26 мая 1609 года был день торговый — это была среда — день отдания праздника Пасхи и канун праздника Вознесения Господня. (Эти указания народного предания и некоторых печатных источников, напр. Священ. Е. Вознесенского расходятся с показаниями Пасхалии. В 1609 году праздник Вознесения Господня был 25 мая, а битва, следовательно, была на другой день праздника. Но общая картина событий от этого не только не меняется, но более освещается и усиливается. **Автор.**)

По случаю этого в город собралось много поселян. Их привлекло сюда не только желание помолиться в храмах, а главным образом, приготовиться к предстоящему походу ополченцев. Кинешемский воевода Федор Бабарькин, уже опытный и имевший успех в ратном деле, поспешил составить ополчение из граждан и поселян. Были посланы в то же время гонцы в соседние слободы Решму и Солдогу, чтобы прислали подмогу Кинешме.

Надо полагать, что решемцы действительно прислали свою помощь, но жители богатой тогда Солдоги не прияли участия в отражении врага общими силами. Они рассчитывали, что, находясь на противоположном берегу Волги, они стоят в безопасности от нашествия неприятеля.

Ополчение составилось быстро и охотно. Перед выступлением ополчения все жители и ополченцы, по обычаю того времени, исповедались, причастились, и ополчение, напутствуемое горячими молениями о даровании победы, двинулось навстречу врагу.

Отряд Лисовского был уже недалеко от Кинешмы. Он состоял не менее как из 2000 воинов, только что сформированных, свежих, снабженных достаточным вооружением. Он двигался на Кострому, на выручку своих, и с Кинешмой думал справиться легко и скоро. Но в своих расчетах он очень ошибся и дорого поплатился за это.

IV

За две версты от Кинешмы по Луховскому тракту ополчение встретило врага и решительно заградило ему дальнейшее движение к посаду и

городу. Стороны вступили в жестокий бой. Несколько раз они схватывались в рукопашную. Нападение было жестоко, сопротивление упорно и отчаянно. Но, надо полагать, что к несчастью ополченцев их доблестный воевода Федор Бабарыкин во время этого боя геройски пал на поле сечи.

Ополчение, лишившись своего славного воеводы, не могло противостоять многочисленному и уже закаленному в боях неприятелю. Оно расстроилось и вразброд спустилось к речке Кинешемке. Неприятель преследовал его. И здесь ополчение, несколько собравшееся и оправившееся, снова вступило в бой с неприятелем и снова потерпело поражение. (В настоящее время на этом месте одиноко в стороне стоит деревянный памятник-крест. Из-под него чуть заметно бьет чистый источник. Под крестом-памятником виднеется ямка, из которой народ достает себе песочек, очевидно веря в его целительную силу. В народе и до сего времени сохраняется живое предание, что этот памятник-крест поставлен на братской могиле избитых защитников города).

Оставшиеся силы ополченцев левым берегом реки Кинешемки пробрались на посад и здесь, на посадской площади, снова собрались для последней защиты главной части своего поселения — города с его собором, святынями и достоянием общественным и частным.

По обычаю того времени при нашествии «поганых» все священное, все драгоценное, все общественно важное сносилось на хранение в Собор. Здесь была последняя защита и убежище граждан и их святыни и достояния от врагов. Поэтому защита и охрана города была священна. Город Кинешма был окружен глубоким рвом, защищен земляным валом и деревянным тыном на нем.

Главным сообщением города с окружающим посадом было через ворота восточной стены. Эти ворота были главными, выходящими из города на торговую посадскую площадь. С остальных сторон город был мало приступен. Здесь-то, на торговой посадской площади, произошла последняя ожесточенная битва последних сил собравшегося ополчения с неприятелем.

Несмотря на всю отчаянную храбрость ополчения, бой был неравен; неприятель был сильнее, и ополчение здесь было истреблено окончательно. Неприятель ворвался в город. Здесь, в соборном храме, как месте последней защиты и убежища, заперлись многие из граждан, решившись скорее принять венец мученический, чем сдаться расщепившему и беспощадному врагу.

Не имея, очевидно, возможности проникнуть внутрь храма, «поганые» сожгли его со всем, что находилось в нем. — (В писцовых кни-

гах Кинешмы 1629 г. в подтверждение сказанного читаем, между прочим, следующее: *«Да на городище же место церковное, что была вторая церковь соборная ж — Преображение Спасово — и тое-де церковь сожгли Литовские люди»*. В пламени храма погибли многие святые, драгоценности, важные документы. В грамоте, данной от великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея великий и малый и белая России самодержцев на Кинешму воеводе Петру Григорьеву Ульянову в лето 7201 от сотворения мира (в 1693 по Р. Х.) находим то же: *«Да на городище ж место церковное, что была церковь соборная — Преображение Спасово — и тое же церковь сожгли литовские люди»*. А далее находим еще следующее указание, достойное особенного внимания: *«... в прошлом де 117 (т. е. 711 году по вычете 5508 лет, истекших от сотворения мира до Рождества Христова, получить 1609 г. — год нашествия поляков на Кинешму) приход литовских людей жалованная грамота у них (причта Соборного) утеряна»* — Несомненно погибла в пламени сожженного храма.

Так защитники Кинешмы приняли венцы мученические и приобрели неуязвимую славу на земле и блаженный покой в вечности. Кинешемцы одни из первых доказали, что *«не изменю, не бегством должно спасать отечество, а кровию; что великодушная смерть лучше жизни срамной»*. (Карамзин).

V

Навряд ли Лисовский ожидал встретить себе в Кинешме такое упорное сопротивление. Его победа над Кинешмой стоила ему большого поражения. Поэтому, завладевши Кинешмой такой дорогой ценой, Лисовский — этот, как охарактеризовал его Карамзин, по ремеслу — грабитель, предал ее страшному разорению и опустошению, беспощадно истребляя жителей и их имущества.

Из Кинешмы Лисовский бросился на богатую Солдогу. Здесь, под слободою Солдогою, нашли себе геройскую смерть, вышедшие против Лисовского военачальники Куломзин и Шушерин. Местные жители передают, что около Солдоги находились каменные плиты-гробницы, очевидно на могилах павших героев. Но в настоящее время не осталось от них никаких следов. Замыло ли их весеннее водополье прибрежным песком, или кто-либо из жителей увез их и, как у нас случается, употребил их на постройку, — это остается теперь неизвестным.

Лисовский и Солдогу подверг страшному опустошению, после кото-

рого она уже не смогла оправиться и захирела. Слобожане не ожидали такого разорения и горечь своей участи выразили в пословице: *«Кинешма да Решма кутит да мутит, а Солдога-горюна убыточкы платит»*. Эта историческая пословица сохраняется в народе и до настоящего времени.

Нам теперь трудно и представить, какому опустошению и истреблению подверг ожесточенный враг Кинешму и Солдогу. Авраамий Палицин, келарь Свято-Троицкой-Сергиевской Лавры в своем замечательном сказании о нашествии поляков на Россию в смутное время (1607—1613) яркими чертами рисует нам потрясающую картину ужасов мучения и преследования поляками и изменниками родины жителей тех городов и мест, которые не сдавались им без боя.

Например, следующие черты описания могут дать нам некоторое представление и об опустошении Кинешмы и истреблении ее жителей. *«Переменишиа тогда жилища человеческая на зверская. Дивии бо медведи и волки, и хищныя птицы на градская места и пространная пришедше, а человецы крѣяхуся в дебри непроходимыя и в чащи темных лесов... Ни в ночь, ни в день бегающим не бе покоя и места ко скрытию. Вместо луны многия пожары поля и леса освещаху нощию... Нечестивии изменницы и поляки непокоряющих же ся их злым советом всяк возраст и всяк чин мучаху и смерти предаху. Чин иноческий и священнический не вскоре смерти предаху, но прежде зле мучаще всячески, и огнем жгуще, испытующее сокровищ, и потом смерти предаху. И в толико же безтудство вшедше нечестивии изменницы и поляки, безстрашно вземлюще святыя иконы местныя и царския двери и сии подстилающе под скверныя постели своя. Инии же святыя иконы колюще, и варево и печиво строяще. Из сосудов церковных ядаху и пияху, и разбивающе преливающе их на свою потребу и конскую. Воздухи же и пелены, шитые и низаные — драгие — покрываху кони своя, на плещу свою воздеваху. Хоругви церковныя вместо знамен изношаху...»*

Все историки единогласно свидетельствуют, что Лисовский страшно разорил Кинешму, оказавшую ему жестокое сопротивление.

VI

Поляки и изменники родины завладели Кинешмой, опустошили ее, избili жителей ее, но не могли победить и сокрушить ее геройского духа и мужества. Их геройская защита родины и православия послужила доблестным примером для других соотечественников. Мужественный пример кинешемцев возбудил и поднял на подвиг защиты отечества наших соседей решемцев и жителей города Юрьевца Поволжского.

Недолго Лисовский торжествовал в Кинешме свою победу над ней. Из г. Юрьевца уже шло против него новое ополчение. Силы Лисовского в боях с кинешемским ополчением очевидно так утомились и надломились, что он не решился в открытом месте сразиться с юрьевецким ополчением. Лисовский заперся в кинешемском городище и в течение десяти дней отбивался от наседавшего на него ополчения. Наконец, после нескольких вылазок, ему удалось прорваться сквозь ополчения, и Лисовский нагорным берегом Волги отправился к Костроме. Часть его войска шла берегом на лошадях, а часть плыла по Волге на судах. Но за последними погнались русские, бились с ними три дня и принудили их оставить суда и бежать на берег.

Лисовский правым берегом Волги дошел до Селища и встал здесь против Костромы в числе около 1500 человек. Он здесь намеревался переправиться через Волгу в Кострому на вырубку Вельяминову, засевшему в Ипатьевском монастыре. Но Лисовский не мог здесь достать себе даже малых лодок. Две недели он простоял здесь безуспешно. Хотя ростовский воевода Ив. Наумов из Ярославля и привел ему подкрепление, но в это время пришла весть, что с низов Волги идет против них войско, посланное Федором Шереметьевым. Лисовский с Наумовым бросился навстречу отряду Шереметьева к г. Юрьевцу, надеясь где-нибудь здесь около Кинешмы или Решмы беспрепятственно переправиться на костромской берег Волги.

Лисовский снова прошел через опустошенную им Кинешму и снова подверг ее разорению. Не доходя до Решмы они схватили мужика и от него узнали, что в Решме стоят «государевы изменники» (т. е. Лжедмитрия). Число решемского ополчения казаки, участвовавшие в походах Наума, определяли, как видно из их челобитной Лжедмитрию, до четырех тысяч человек.

Лисовский пошел дальше к Юрьевцу, а Наумов свернул на Решму, которая им и была взята. Три дня простоял здесь Наумов, поджидая Лисовского, и, когда тот соединился с ним, было решено здесь устроить переправу через Волгу.

Но в это время, как они начали переправляться через Волгу, как снизу по реке показались суда шереметьевского отряда и дружно ударили на врагов. Наумов думал было спастись и укрепиться на острове, но потерпел полное поражение.

В упомянутой своей челобитной Лжедмитрию казаки жаловались: *«И ружье наши, и кони и борошен весь отгромили, и мы из-за Волги, с острова, переплыли наги и босы»* (Тюменев. Историч. Вестник за 1906 г. Окт.).

Так Лисовский, хотя и завладел Кинешмой 26 мая, но так расстроил свои силы в боях с защитниками кинешемскими, что не мог выполнить поручений Сапеги от 23 мая и не выручил в Костроме Вельяминова и своих приверженцев, которые, не получив подмоги, не могли долго держаться против воеводы Жеребцова и в июле месяце принуждены были очистить Ипатьевский монастырь.

VII

Удалились поляки и изменники родины из Кинешмы и ее пределов. После их беспощадного разорения Кинешма, конечно, не скоро смогла оправиться. Но первым делом оставшихся в живых граждан и поселян было исполнить священный долг к погибшим защитникам своим.

Собрали кинешемцы дорогие останки убиенных защитников своих и с христианскою честью и горькими слезами похоронили их в трех братских могилах, где произошли главные бои ополчения с неприятелем.

Первая братская могила была устроена в двух верстах от Кинешмы по Луховскому тракту недалеко в стороне от него; вторая — на берегу Кинешемки под сосновым бором; третья — на торговой посадской площади. На этих братских могилах избитых защитников были водружены деревянные кресты. Близкие люди и родственники убиенных часто приходили на эти могилы, совершали здесь молитвенное поминовение их, оплакивали их утрату, усердно заботясь о поддержании крестов в должной исправности.

Кинешемцы, перенесшие такое тяжкое испытание и удар судьбы, находили себе утешение в том, что они не посрамили земли Русской, доблестно постояли на ее защиту, постояли за ее честь и славу; они с утешением видели, что дело защиты родины приняло, наконец, широкие размеры.

Из Нижнего Новгорода поднялась на защиту поруганной родины новая могучая волна народная, предводимая князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и нижегородским гражданином Козьмой Захарьевичем Мининым. В этом народном ополчении с охотою приняли участие многие решемцы и кинешемцы. Из числа первых особенно прославился тогда в истреблении шаек Лисовского решемский крестьянин Григорий Лапша, а из числа кинешемцев — крестьянин ближайшей деревни около Кинешмы, Ремень. Сохранилось живое народное предание, что Ремень был сподвижником и помощником К.З. Минину, помогая ему в сборе и хранении казны ополченческой. Эта деревня получила свое название от имени славного предка своего и называется Ременново.

VIII

В 1612 году кинешемцы с восторгом встречали Нижегородское ополчение, предводимое князем Д.М. Пожарским, который, отправляясь на освобождение Москвы от неприятелей через Ярославль, останавливался в Кинешме.

Здесь на торговой посадской площади, где за три года перед этим происходила последняя битва кинешемского ополчения с поляками, торжественно развивался православный стяг Пожарского. На братской могиле избиенных защитников была совершена общая панихида. Сохранилось местное народное предание, что благочестивый князь Дмитрий Михайлович Пожарский, в случае успеха своего великого дела — освобождения Москвы от неприятелей — дал обещание поставить здесь храм во имя своего святого Дмитрия Солунского, что впоследствии им действительно и было выполнено.

Предание это находит себе некоторое подтверждение. Так в двадцатых годах 17 столетия на площади действительно находился отдельный деревянный храм во имя великомученика Дмитрия Солунского. В писцовых книгах по Кинешме 1629 года мы находим следующее: *«Да на Кинешме, на посаде церковь Дмитрия Солунского, деревянная, кленки»*. Этой церкви теперь не существует. Но при Крестовоздвиженской церкви устроен придел великомученика Дмитрия Солунского. В храме сохраняется и местный старинный образ этого святого в вооружении воина с копьем в руках.

Около Кинешмы находилась земля князя Д.М. Пожарского по прежним межевым планам. Эта земля в настоящее время находится во владении Крестовоздвиженской церкви. Передают, что означенная земля родственниками Пожарского (Собакиными), по завещанию его, была пожертвована уже в 18 веке.

Известно, что Пожарский при помощи Божией успешно выполнил свое великое дело; он очистил Москву и родину от поляков. Голосом выборных всей земли Русской 14 марта 1613 года был избран на царский престол юный Михаил Федорович Романов. С воцарением Дома Романовых кончилось ,злое лихолетье‘, и наша родина развилась, окрепла в Русь великую и могучую.

Кинешемцы утешались, что их геройский подвиг не пропал, а послужил на дело общего строительства государственного.

IX

Не забыли кинешемцы подвига своих защитников. Достопамятные дела их они старались увековечить святыми и добрыми делами. Так встречаются указания, что в 1612 году на братских могилах убиенных были поставлены часовни. В писцовых же книгах 1629 г. мы находим следующее, на наш взгляд очень важное указание, имеющее близкое отношение к описываемым событиям: *«Да на Кинешме, на посаде, на торговой площади, церковь Воздвижения Честного Креста Господня, деревянна... А книг в той церкви и колоколов нет, и строение той церкви протопопа Якова и попа Евфимия».*

Просматривая писцовую книгу, мы находим, что при составлении этих писцовых книг — при соборе протопоп Яков, а при Воскресенской церкви поп Евфимий. Очевидно эти лица, служащие при разных храмах, и были строителями церкви «на торговой площади», устроенной, значит, недавно.

Что же могло быть побуждением у этих лиц соединиться в одном общем деле — постройке означенного храма — именно «на торговой площади» посада? Справедливо можно полагать, что означенная церковь, не имеющая ни книг, ни колоколов, ни своего причта, ни приходских людей, была устроена в молитвенную память убиенных защитников Кинешмы на их братской могиле, на торговой площади.

Можно думать, что в числе убиенных, а может даже и замученных «погаными» защитников были близкие родственники — отцы, братья — протопопа Якова и попа Евфимия. В известные дни они совершали по убиенным отцам и братьям церковное поминовение, принося с собою книги и утварь.

Эту деревянную церковь, и другую во имя Казанской иконы Божьей Матери, по ветхости их (особенно последней, очевидно, как древнейшей), в 1744 году разрешено было разобрать и вместо двух церквей, деревянных и отдельных, разрешено было устроить одну каменную, которая и существует донныне.

Таким образом, за устройством вместо двух церквей одной и, надо полагать, на месте именно церкви во имя Казанской Божьей Матери, как древнейшей и устроенной в древности «строением мирских людей».

Другое церковное место от Крестовоздвиженского храма осталось свободно. На этом-то месте тогда же была поставлена каменная часовня, существующая до настоящего времени и по своей архитектуре может быть отнесена только к 18 веку.

Над воротами часовни прибита черная железная доска, на которой золотыми словами сделана следующая надпись: *«В 1609 году при воеводе Федоре Бабарыкине Кинешма разорена была поляками под начальством Лисовского. Часовня сия устроена над избитыми в сражении гражданами и поселянами».*

Над этой доской была еще и другая дощечка с надписью приблизительно следующей: *«У сей часовни ежегодно 26 мая по заветанию предков совершается панихида по убиенным гражданам и поселянам».* В настоящее время этой дощечки, к сожалению нет. А между тем она дает нам весьма важные указания, во-первых, того, что битва происходила 26 мая, и во-вторых — что «по заветанию предков» ежегодно в этот день совершается у часовни панихида. Желательно восстановить на часовне эту, теперь утраченную, надпись.

Х

Свою память по убиенным защитникам Кинешмы наши предки выразили еще и другим великим делом христианской любви и милосердия к ближним. После разорения Кинешмы Лисовским многие семьи осиротели; они лишились своих отцов, мужей, сыновей, своих кормильцев. И, естественно, многие из них нуждались в церковном утешении и общественном призрении. Навстречу этой потребности и пришли церковь и православное общество.

Ввиду того, что нашествие Лисовского на Кинешму было накануне праздника Вознесения Господня, то в память этого события и был основан и устроен Вознесенский женский монастырь (ныне приходская церковь). В этом женском монастыре и нашли себе приют и церковное утешение многие вдовы и сироты после убиенных защитников граждан и поселян. Этот Вознесенский женский монастырь всегда пользовался особенно трогательною народною любовью, которая перешла впоследствии и к Вознесенскому приходскому храму.

В этот монастырь, а потом и в приходскую церковь Вознесенскую, на праздник Вознесения Господня во многолюдстве собирались на всенощное бдение и литургию поселяне и поселянки в особенном траурном уборе — в серых кафтанах и темных платках, а по окончании обедни они передевались в цветные платья. Это был местный вековой обычай, и он строго выполнялся до половины прошлого века.

И в настоящее время на праздник Вознесения Господня к этой церкви собирается много богомольцев. После службы церковной происходит

здесь торг мелочами, игрушками и сладостями. Устраивается большое народное гулянье.

В 1855 году на братской могиле убиенных защитников в двух верстах от Кинешмы по Луховскому тракту, согласно Высочайшему соизволению, усердием Кинешемского «купецкого» общества была устроена каменная часовня вместо деревянного креста. Издревле — по некоторым указаниям с 1612 года — этот крест существовал здесь. 26 мая сюда ежегодно из Собора отправляется крестный ход и совершается здесь панихида по убиенным защитникам веры православной и родины.

В 1870 году при прокладке по этой местности полотна железной дороги находили в земле много старого вооружения. Но, к сожалению, эти древности не сохранились до нас. Этим предметам не придали тогда надлежащего значения, как молчаливым, но верным памятникам и свидетельствам происходившего здесь триста лет тому назад сражения кинешемских граждан и поселян с врагами-ляхами.

Прошли века после тех достопамятных событий, которые навсегда совершились здесь и которые описаны в настоящем кратком очерке. В даль прошлого отошли эти жестокие времена и славные события. Но сохранилось в народе живое предание о них, существующие памятники-часовни свидетельствуют о них и научают нас тому, как мы должны любить и хранить веру православную и свою родину — великую, могучую и славную и ее Державного Вождя и Венценосца, с воцарением родоначальника которого на Руси «Прошла гроза военной непогоды».

И наша Кинешма, вкушая мир отрадный, развилась теперь, окрепла. Бодрым ключом бьет теперь ее жизнь торговая, промышленная и общественная.

В трехсотлетнюю годовщину достопамятного события мы должны достойным образом почтить священную память предков — героев своих — и увековечить их славные деяния лучшим памятником для них — устройством храма Божия на поле славной сечи их.

Наши славные предки-герои, отстаивая целостность государства Российского грядущим потомкам своим, жертвовали для этого и личным имуществом своим, и кровию своею, и жизнью своею.

Нам ли не принести теперь в память их достойной жертвы и дара на великое святое дело сооружения храма Господня!

Священ. Иоанн Альтовский
24—28 апреля 1909 г.
г. Кинешма

При составлении настоящего исторического очерка и исследования автор пользовался и руководился нижеследующими источниками:

1. Карамзин Н. М. «История государства Российского» т. 12. СПб. 1835 г.
 2. Соловьев С. М. «История России с древнейших времен» кн. 2-я. СПб. 1894 г.
 3. Крживоблоцкий Я. «Материалы для географии и статистики Костромской губернии». СПб. 1861 г.
 4. Островский П., протоиерей. «Описание Ипатьевского монастыря». Костр. 1870 г.
 5. Вознесенский Е., священник. «Путешествия Высочайших Особ по Костр. г.». Костр. 1859 г.
 6. Беляев И., прот. «Описание церквей Костр. г.». СПб. 1863 г.
 7. Кинешемский календарь за 1908 г.
 8. Тюменев И. «От Ярославля до Нижнего». Истор. Вести. 1906 г. Сент. и Окт.
 9. Щербина Н. «Пчела». Сборник. СПб. 1866 г.
 10. Смирнов С. «Богословские Вести». 1908 г. Янв. Проток. 80—81 стр.
 11. Семенов. «Россия», т. 1. стр. 373. СПб.
 12. Иорданский Г. священник. рукопись «Описание Крестовоздвиженской ц. г. Кинешмы».
 13. «Писцовые книги по Кинешме 1629 г.». Рукопись — копия с древних.
 14. «Грамота от Великих Царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 1693 г. на владение Соборному Кинешемскому причту пожалованными землями». Рукопись — копия с подлинной.
 15. Надписи на часовнях-памятниках на могилах убиенных граждан.
- Кроме перечисленных печатных и рукописных источников автор при составлении своего исследования в значительной степени пользовался живою стариною — местными народными преданиями, пословицами и обычаями.